

СИЛЬНЕЕ МЕНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Летова

Сильнее меня. Книга 1

<https://litres.ru/73814064>

SelfPub; 2026

Аннотация

Привет. Мы знакомы?, — читаю я сообщение на экране. Я дерзко отлайкала его фото в соцсети, а потом написала комментарий. Он лайкнул мое фото в ответ и через два дня написал. Нет, — отвечаю я. — Но я тебя обязательно запомню. Ты единственный из всех, кого я знаю, кто ставит точки в сообщениях В ответ я получаю эмоджи босс и до боли закусываю губу, потому что ждала его сообщения слишком сильно *** Однажды я потеряла голову от парня после первой встречи. Эти ощущения были головокружительными, как и его поцелуи, но те чувства не идут ни в какое сравнение с теми, что я испытала, когда мы стали врагами

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мария Летова

Сильнее меня. Книга 1

Глава 1

— Тут ужасно мило, да?

— Ага. Сегодня буду писать радугой.

Я кусаю изнутри щеку, маскируя улыбку, и задаю следующий вопрос:

— Почему программисты работают ночью?

— Это стереотип, — слышу я медленные слова. — Ну а вообще... ночью никто не отвлекает. В мессенджеры никто не пишет, все спят. Можно сосредоточиться. Но сейчас все поголовно на удаленке, так что нет проблем создать нормальный график...

— А ты работал сегодня ночью? — спрашиваю я.

Мой собеседник издает смешок.

Я попала в точку — это видно по его мимике, которая оживает.

— Да, — коротко отвечает он.

На этот раз я кусаю губу. Кладу локти на стол и подаюсь вперед, интересуясь:

— Что еще стереотип?

Парень пожимает плечом и насмешливо спрашивает:

— Что мы неконтактные задроты, не занимаемся спортом и не моемся?

Мне не удастся сдержать смех, хоть я изо всех сил стараюсь не потерять голову.

— Впервые об этом слышу, — говорю я.

— Вот и прокачалась.

Я прикладываюсь к своей трубочке, чтобы сделать глоток кофе. В горле сухо.

— А ты контактный?

— Я... контактный. Но я не люблю тусоваться с айтишниками. Не люблю разговаривать о разработке вне работы...

— Извини...

Я быстро хватаю со стола телефон и навожу камеру на старые электронные часы на стене у парня за спиной. Делаю фото и смотрю на экран, в то время как мой собеседник оборачивается, чтобы посмотреть себе за спину.

Чтобы объяснить свой припадок, я быстро говорю:

— У моей знакомой кофейня. Она называется «Двадцать двадцать». Это год рождения ее ребенка, важная для нее цифра... знаковая. Я помогала ей с продвижением в соцсетях... Суть идеи в том, чтобы подписчики «ловили» эти цифры... везде, где увидят, и присылали ей. Они шлют много таких фоток.

Я разворачиваю телефон, показывая свою.

Он попал в камеру. Половина его лица и тела. На фоне часов со временем 20:20...

— Оригинально.

— Ты не против, если я это опубликую?

Подняв глаза от экрана моего телефона, парень чуть медлит, потом говорит:

— Нет.

Он знает, что я занимаюсь рекламой.

«Чем занимаешься?» — этот банальный вопрос от него был одним из первых.

Мы познакомились в соцсети. Но я знала о его существовании еще до того, как лайкнула его фото.

Я хотела с ним познакомиться, так что поставила несколько дерзких лайков, а потом оставила комментарий.

Он лайкнул меня в ответ, а через два дня написал...

Я вижу его вживую впервые.

Эта встреча как раз для того, чтобы посмотреть друг на друга в реальности. Это даже не свидание, а предложение вместе выпить кофе.

Кафе оформлено в стиле домашней обстановки. Здесь так уютно, что хочется разуться и надеть тапочки, но не мне. Я волнуюсь как школьница.

Загрузив фотографию, я поднимаю взгляд и незаметно помогаю свитеру съехать с одного плеча.

— Тебя часто просят помочь выбрать компьютер? — спрашиваю я.

В моем голосе кокетство, я стараюсь не перегибать. Я даже вспомнить не могу, когда в последний раз вела себя так

неестественно.

— Меня как-то попросили починить кондиционер...

Я не сдерживаю смех.

Встречаю взгляд, который не оставляет сомнений: меня оценивают не только по шкале привлекательности, но еще и по шкале доступности.

Я до визга не хочу, чтобы он предложил мне поехать к нему. Я в самом деле тогда просто заору. Внутренне.

Он думает, предложить мне или нет. Это просто видно: решает, что мне предложить — одноразовый секс или еще одну встречу. Думает, нужна ли она ему.

Это потребительство раздражающее. Я перевожу взгляд на те самые часы у него за спиной, спрашивая:

— А хакеры — это тоже миф?

— В каком плане?

— Что они супермены-шпионы, как в кино... — быстро поясняю я.

— Кино про хакера скорее будет похоже на то, как на стене сохнет краска, а чувак за этим пятнадцать часов наблюдает. Периодически отлучаясь в сортир или в магазин за пивом.

— То есть?

— Это в основном монотонная, рутинная и очень долгая работа...

— Значит, это тоже стереотип...

— Абсолютный.

То, что он принял решение, я вижу практически бегущей строкой у него на лбу.

Его взгляд перестал отражать эту быструю аналитическую работу, словно мой собеседник снова вернулся сюда, в наш диалог. Но я понятия не имею, что он решил, это на его лице не написано.

Боясь того, что собеседник выбрал первый вариант, я отодвигаю от себя кофейную чашку.

— Вот блин... — говорю я. — Я забыла, что мне сегодня нужно заехать в одно место...

Я забираю со стола телефон, с соседнего стула — сумку и кожаную куртку.

Все так быстро, что, даже по-настоящему спеша, я не всегда веду себя так хаотично. На лице парня даже удивление отразиться не успевает к тому времени, как я встаю.

На крышке его телефона лежит ключ от машины, но я не слышу никаких предложений по этому поводу. По крайней мере, в ту секунду, когда он встает вслед за мной и забирает со стола свои вещи.

— Может, тебя подвезти? — все же спрашивает мой собеседник спустя бесконечно долгую паузу.

Тряхнув волосами, которые упали мне на лицо, я дружелюбно отвечаю:

— На метро быстрее. Но спасибо...

Я иду спиной вперед.

Чтобы оставить за собой последнее слово, а за ним — ини-

циативу, поднимая вверх телефон, «разрешая»:

— Пиши...

Он отвечает тем, что прикладывает два пальца к виску и салютует.

Это последнее, что я помню, выходя из кафе на улицу. Картинка — как белый блик у меня на сетчатке.

Я вспоминаю о том, что все еще несу куртку в руках, когда перехожу улицу в толпе других пешеходов. Но я хочу отойти подальше от кафе, которое все еще вижу даже с противоположной стороны дороги.

Я заворачиваю за угол и толкаю дверь первого попавшегося магазина, залетая внутрь. Это какой-то магазин одежды, среди которой я стремлюсь затеряться, пока сердце частит. Что-то я даже на себя «примеряю», прикладывая к себе перед зеркалом, но это неосознанные действия, у меня просто адреналиновый припадок...

«Ну-у-у-у? — читаю я пришедшее от подруги сообщение. — Как оно?»

Я его игнорирую, потому что жду другого сообщения, но я понятия не имею, поступит ли оно.

Прошло десять минут, а это много...

Теперь я уже никогда не узнаю, какое решение я не позволила ему озвучить — предложить мне одноразовый секс или свидание, но для меня это перестает иметь значение. Как и то, что он думал слишком долго, прежде чем написать:

«Как насчет встретиться на неделе?»

Глава 2

Аделина

Четыре дня спустя

«23»

«23»

«23»

Эти сообщения сыпятся мне на телефон, засоряя пуш-уведомлениями весь экран.

Я прекрасно знаю, какое сегодня число.

Уровень адреналина у меня в крови нарастал по мере приближения к этой дате постепенно, а не так, будто кто-то ударил кувалдой по наковальне в игровом аттракционе, но эффект от этого не меньший.

Я с трудом концентрируюсь и набираю подруге сообщение в ответ на эту пуш-атаку:

«О чем ты, я не понимаю?»

«Да ла-а-а-адно, — пишет Альбина. — Я больше тебя волнуюсь? Ну, рассказывай...»

Я не очень люблю вот такой ее подкат. «Ну, рассказывать» мне не всегда хочется. У меня часто возникало ощущение, что мои секреты не так сильно ее волнуют, а свои она предпочитает выдавать очень обтекаемо.

Тем не менее мы общаемся уже два года. Познакомились

на работе. Это была первая работа и у меня, и у нее. Мы состояли в одной команде эсэмэшников; с учетом того, как созвучны наши имена, нас многие путали или не различали. Иногда случайно, иногда специально.

Это стало мемом, нашей одной на двоих визитной карточкой, хотя я не видела ничего крутого в том, чтобы быть мемом. Как и в том, что меня с кем-то путают. И не потому, что я нарцисс, а потому что Альбина не всегда закрывала проекты, которые на себя брала. Она теряет интерес к чему-либо, если это не принесет ей хороший выхлоп. Иногда меня поражало, насколько легко она может бросить начатое из чисто финансовых соображений.

Потом я нашла новую работу, а Альбина осталась там еще на год.

В последнее время мы нечасто видимся в реале. У нее редко получается из-за новой работы, плюс ко всему она сейчас переехала. У меня стойкое ощущение, что это просто отговорки, но заикливаться я не стала.

У меня нет недостатка в общении.

Я... контактная.

На губы давит улыбка.

Я контактная. Так что обрастаю новыми знакомствами быстро.

Альбина в курсе, что сегодня у меня второе свидание, если считать, что наша предыдущая встреча с Павлом Красиловым была свиданием.

«Что ты хочешь узнать?» — пишу я подруге.

«В чем ты пойдешь?»

«В чем-нибудь таком, чтобы он смотрел только на мои сиськи», — набираю я.

«Ура-а-а! Одобряю! Он уже на крючке. Нужно подсе-
кать».

Я издаю смешок, отправляя ей эмодзи.

«Надеюсь, он никогда не взломает нашу переписку», —
отправляю я следом.

Подруга снова выбивает из меня эмодзи, когда пишет:

«Тогда я отправлю ему сибирскую язву в конверте».

«В общем, я жду новостей. Держи меня в курсе».

Убрав телефон в сторону, я смотрю в свое отражение на
уснувшем экране ноутбука. Почти как в зеркале я вижу, что
у меня горят щеки.

Семь лет назад моя семья переехала в Москву, потому что
младший брат получил стипендию в топовой гимназии. Всем
было тяжело, но мне — в особенности, так как мне пришлось
сменить школу в выпускном классе.

Стресс был таким сильным, что я начала терять вес. Я
просто таяла на глазах и загремела в больницу. До сих пор
толком не знаю, как выкарабкалась и сдала экзамены. Моя
память, кажется, половину этого периода заблокировала. За-
мазала, ведь именно так я те воспоминания и вижу — раз-
мытыми.

Это была моя личная плата за то, чтобы брат смог бес-

платно получить очень дорогое образование, которое стало для него трамплином для поступления в хороший вуз.

Он программист, но не контактный. Брат — нелюдимый, закрытый. Он до сих пор живет с родителями, работает по ночам, а днем спит.

После университета его пригласили на работу в крупную айти-фирму, но полгода назад он уволился. Его позвали в команду, которая работает сама на себя. Их там пятеро, Макс в этой команде самый молодой. Брату двадцать два.

Эту команду возглавляет... Павел Красилов.

Он представляет ее в соцсетях и перед заказчиками.

Багхантер — это его рабочий псевдоним.

Они с Максом встречались всего пару раз, в основном общаются удаленно.

Багхантеру двадцать шесть.

Я не хотела, чтобы он принял меня за своего сталкера. Я наткнулась на его профиль всего месяц назад, и то потому, что на совместной фотке отметили моего брата.

У них был корпоратив. Это оказалась их первая живая встреча всем составом, но я все равно удивилась, что Макс пошел, учитывая, как он не любит тусовки.

Я следила за страницей Багхантера некоторое время, это правда, и чем больше следила, тем сильнее хотела познакомиться. И я пятьдесят раз подумала о том, как лучше это сделать, чтобы... вызвать ответный интерес.

Да, я, возможно, сталкер, но это мой большой, огромный

секрет.

О нем не знает даже Альбина. Я не вдавалась в подробности нашего знакомства, хотя поделилась с подругой тем, кто Багхантер такой.

Ему не обязательно знать, что мне отлично известны ответы на те вопросы, которые я ему задавала, ведь мой брат программирует с шестнадцати лет. Макс моложе меня на год, и он... немного гений.

Я уже больше года работаю удаленно, но заставляю себя делать это не в квартире, а где-нибудь в городе, чтобы мозги не засохли от однообразной обстановки, но сегодня я осталась дома, чтобы сэкономить время.

Я перерыла шкаф еще вчера.

Свои сиськи я собираюсь убрать подальше от глаз, потому что хочу третье свидание.

Несмотря на то, что мне под кожу запустили рой пчел, я никогда в жизни не собиралась на свидание с таким хладнокровным расчетом в выборе одежды, обуви и цвета помады.

Контур своих губ я делаю намеренно более ярким, чем в прошлый раз, увеличивая их визуально.

Я смотрю на свое отражение, заставляя убрать с лица любой признак того, насколько в действительности заинтересована.

Прямой взгляд, уверенный.

Багхантеру не нужно знать, насколько я заинтересована. Я уверена, он не оценит, что где-то на задворках сознания я

примеряла его нос на лицо своего сына.

Я, кажется, влюбилась.

У меня внутри образовался маленький узел.

Это плохая новость, потому что в моем организме есть не очень хорошая цепная реакция: когда я волнуюсь (волнуюсь слишком сильно) — теряю аппетит.

Я так боюсь вернуться в свои семнадцать, что отношусь к этим симптомам параноидально, так что перед выходом из дома заталкиваю в себя полпачки мясных чипсов, пытаюсь чувствовать и любить вкус еды.

Когда я выхожу из такси, все еще светло. Я не надевала каблуки, на мне кеды, потому что чувства юмора у Багхантера достаточно, чтобы пригласить меня на художественную выставку.

Это смешно, ведь абсолютно стереотипно, и он об этом знает, но наше знакомство находится в той фазе, когда место встречи — это просто ничего не значащий фон.

Я поправляю волосы, поправляю оверсайзный пиджак, под которым у меня короткое бельеовое платье.

Накатывает секундное беспокойство, когда у входа в здание никого не вижу, но в этот же момент за спиной хлопает дверь машины, и я замечаю, как легкой трусцой дорогу перебегают высокий брюнет...

Глава 3

Я встречаю его учащенным сердцебиением.

Верный признак того, что мои впечатления от первой нашей встречи не были ложными, — мне действительно становится жарко.

Ему удастся жить в нормальном графике, это я знаю из его соцсетей. Свою личную страницу Багхантер использует в основном для рекламы их проекта, публикуя много специальной информации, но страница продолжает оставаться личной. Он пока еще только разгоняется.

В его графике хватает места для спорта.

Я черчу взглядом перевернутый треугольник, именно такие у тела Багхантера пропорции. Быстро освежаю в памяти очертания: широкие плечи, длинные ноги, узкие бедра. Под свободной клетчатой рубашкой на нем футболка, а под ней — вполне приличные рельефы на груди и животе.

Я кидаю взгляд на козырек черной бейсболки, которая скрывает часть его лица.

Багхантер смотрит под ноги, обходя оставшиеся после вчерашнего дождя лужи. Он одет в джинсы и спортивные кроссовки.

Однажды я заставила парня себя ждать, но опаздывать на встречу с человеком, который обозначает планы не днями недели, а числами в календаре... Я решила не рисковать.

Когда козырек бейсболки ползет вверх, я вижу точеный подбородок. Цвет его глаз — карий, а цвет кожи — «свежий тайский загар». Он вернулся с отдыха как раз перед нашей встречей.

Застегнутого на все пуговицы пиджака уже хватает, чтобы продемонстрировать степень моей доступности, но я все равно контролирую улыбку. И ее, и желание смотреть в лицо Багхантера без какого-либо лимита, потому что меня притягивают его черты.

Он глядит на меня из-под козырька, когда оказывается рядом.

Я собираюсь вручить ему всю инициативу. Такую, как открыть дверь или первым сказать «привет», но мы оба молчим, пока Багхантер освежает собственную память — взглядом осматривает мое лицо. И на лимиты ему плевать, он для этого слишком прямолинейный.

Засунув руки в карманы джинсов, Багхантер прерывает наше молчание:

— Привет, — говорит он, посмотрев мне в глаза.

— Привет, — отвечаю я. — Ты платишь за девушек, когда приглашаешь их куда-то?

Мой вопрос скорее флирт. Я уверена, он оплатит мне вход. Это чистый флирт, и Багхантер в тон отвечает:

— Я приглашаю — я плачу.

— Окей... — отзываюсь я.

Все заканчивается недолгой заминкой, ведь я не двигаюсь,

а он никуда не торопится, но через пару секунд принимает ситуацию и делает шаг к двери. Я захожу внутрь, когда Багхантер открывает мне ее.

Не знаю, по делу ли горит мой затылок, спина, но парень — позади, и я надеюсь, что он действительно смотрит.

Я могу быть уверена, что Багхантер здесь в первый раз. Он не ориентируется. Мы оба не ориентируется и меняемся местами — теперь я держусь чуть позади, позволяя спутнику искать дорогу по указателям.

Войдя в зал, мы сразу упираемся в картину, которая открывает выставку, и останавливаемся напротив нее.

Багхантер ерошит волосы, убрав бейсболку в задний карман джинсов.

Я спрашиваю, быстро на него покосившись:

— Что ты видишь?

— Чей-то психиатрический диагноз, — отвечает он.

Глядя на разбросанные по картине геометрические фигуры, я сдерживаю смехок.

— Я тоже не разбираюсь в искусстве, — произношу я.

— А в чем разбираешься?

Он поворачивает голову, глядя на меня, но я решаю на этот взгляд не отвечать.

— В рекламе, — напоминаю я.

— Нравится?

— Да...

Я делаю пару шагов в сторону, направляясь к следующей

картине.

Кроссовки Багхантера неторопливо скрипят по полу.

Затылок покалывает, когда он останавливается за моей спиной и смотрит на картину поверх моей головы.

— Мне это мерещится? — указываю я на стоимость экспоната, которая указана на табличке.

— Наверное, это цена вместе с рекламой, — отзывается он.

Я закусываю губу. Улыбаюсь.

Расстегнув висящую через плечо сумку, достаю телефон и говорю:

— Сделаю себе дубликат...

Развернувшись, поднимаю взгляд и прошу, протянув ему гаджет:

— Сфотографируешь?

Багхантер достает руку из кармана. Наши пальцы на секунду соприкасаются, когда он забирает у меня телефон. Я не реагирую, но это было очень чувствительно. Мой шаг назад — стремительный.

Я замираю рядом с картиной, приняв классическую для фото позу, и смотрю в сторону, ощущая свербящий дискомфорт от того, что так долго не слышу щелчка камеры.

Когда он все-таки раздастся, поворачиваю голову.

Багхантер возвращает мне телефон, и мы снова касаемся друг друга. То, что он не убегает от этого контакта, чувствительнее даже самого прикосновения.

Я не смотрю на фото.

По груди поднимаются колючие мурашки.

Мой шаг к следующему экспонату почти слепой.

За спиной снова присутствие.

— Познавательное, да? — спрашиваю я.

— Даже очень.

— А покупки ты девушкам оплачиваешь?

— Судя по всему, не сегодня.

Мой смех создает в безлюдной галерее шум.

Шестизначная цифра на табличке шокирует даже больше, чем предыдущая.

Я перемещаюсь от картины к картине, начиная чувствовать парня у себя за спиной как теплую пушку. Голую физическую близость вместо колючих мурашек. И даже слышу его дыхание за шумом собственной крови, хоть мы и не имеем реального физического контакта.

Я начинаю этого контакта хотеть...

— Как прошел день? — спрашиваю я.

— Все вроде верно, но ничего не работает, — описывает мой собеседник ситуацию, конечно же, имея в виду свою работу.

Его голос звучит чуть ближе, словно он опустил подбородок и смотрит на мою макушку.

Я замечаю, имея в виду картины:

— Я, кажется, перестаю их различать...

— Давай уйдем.

Это больше, чем просто два слова. Это предложение продолжить вечер, я его кожей чувствую. Я этого и хотела, только с контролем у меня проблемы.

Я уверена, мой спутник знает, с какой вероятностью у девушки рядом с ним слетят трусы. С высокой. Особенно если он приложит усилия. Моя проблема в том, что они слетели заочно!

Я задерживаю ответ не предумышленно, но пауза позволяет вспомнить, почему у меня проблемы с теплообменом.

Искусав щеку изнутри, я спрашиваю:

— Точно ничего не хочешь купить?

— Только если пояснительную бригаду, — отзывается Багхантер.

Глава 4

В первую нашу встречу он сказал, что не любит говорить о работе вне работы. Я не знаю, где у него проходит граница между работой и личной жизнью, но ломать над этим голову точно не хочу.

На улице стемнело. В последние дни воздух теплый даже после заката, тем не менее я не хочу гулять, я скорее хочу чего-то гораздо более приватного. Например, столик на двоих. Такой, за которым будет тесно!

Глядя на широкую спину перед собой, я иду за Багхантером к машине, которая мигает сигнализацией.

Огибая капот автомобиля, он обращается ко мне с вопросом:

— Как насчет поехать в центр?

— Я за...

Оттуда мне в любом случае будет легко добраться до дома. И на метро, и на такси.

Несмотря на подтаивший контроль, я все еще помню, почему собираюсь отдать всю инициативу в руки Багхантера: я хочу выглядеть как девушка, за которой обычно ухаживают, а не наоборот. Хотя правда состоит в том, что я не люблю отдавать кому-то контроль над своей жизнью, даже над такой мелочью, как выбрать за меня кофейню.

У меня довольно много красных линий, и у них разные

причины.

С этим парнем все немного иначе. Если я придирчивая, то он, кажется, редко решает что-то наобум. Сейчас Багхантер водит пальцем по экрану ЖК-панели, увеличивая карту города и изучая ее. Без комментариев и с легкой сосредоточенностью, что дает мне возможность наконец-то рассмотреть его профиль не в течение ворованных секунд, а досконально.

Ощущения меня греют. Разогревают.

Он не идеальный красавчик, но ему это идет.

И после такой тщательной подготовки, уверена, могу не волноваться о том, куда мы едем — наверняка он хочет провести вечер в пробке так же слабо, как и я.

Я могла бы расслабиться, но я слишком разогрета.

Я остро чувствую все — легкие движения водителя, воздух салона, запахи. Взгляд на себе, пока, внешне расслабленная, я смотрю в окно, не пытаюсь искать темы для разговоров.

Навигатор объявляет время поездки — десять минут, ведь мы и так в центре. Я не настолько дурная, чтобы пытаться заполнить эту короткую паузу разговорами. И я не жду этого от водителя.

Всегда может оказаться так, что люди просто не на одной волне. Это может быть не сразу очевидно, а может быть сразу. У меня в основном случалось второе. Регулярно. И первое тоже бывало: в родном городе у меня был парень, с которым пришлось расстаться из-за переезда, но я думала, мы

найдем какой-то выход, вот только выяснилось, что выход искала я одна, а он мечтал совсем о другом...

Я думала, он тоже выберет столичный вуз, а ему это было не нужно. Никогда не было нужно. Просто я была так влюблена, что не сразу это поняла.

Я не настолько ослеплена сейчас, чтобы не брать в расчет такие... механические вещи, как совпадение интересов или просто совпадение, но, когда я отмечала лайками страницу Багхантера, я не думала ни о чем.

Он не страдает излишней изобретательностью — привозит меня в кафе, где, как я знаю, бывает часто. Оно мелькает в его фотографиях. Кафе концептуальное, внизу, в цоколе, есть зал для конференций. Собственно, здесь и проходил тот самый корпоратив, на котором присутствовал мой брат.

Это здание очень просторное, двухэтажное. Здесь много столиков, много свободного места. Много воздуха, причем охлажденного кондиционерами. И этому потоку удастся охладить мои ощущения. Боже, я за это благодарна! Меня эта освежающая пощечина будит, делая острее не ощущения, а зрение.

Я ловлю на себе взгляд Багхантера, когда мы садимся за стол.

С разных его сторон, как на собеседовании.

Обстановка не оставляет других вариантов, это место абсолютно не для свиданий. Оно не романтическое, вообще хреновое, если хочешь провести время «тесно».

Тем не менее практически впервые за этот вечер мы лицом к лицу без каких-то отвлекающих факторов.

Багхантер кладет на стол сцепленные в замок руки.

Мы опять знакомимся. Только на этот раз более обстоятельно. И я, и он.

Я — привыкая к его реальной мимике, выражению глаз. Снова к его габаритам, энергии. К нему реальному. Он — изучая меня скорее внешне.

Глаза, губы...

Я не отвожу взгляд.

Ему нравится, иначе он не предложил бы мне ни первую встречу, ни вторую. По крайней мере, это то, в чем можно быть абсолютно уверенной. Это ведь база. Он не ответил бы даже на мой лайк, если бы я... не была в его вкусе.

Я обвожу взглядом второй этаж над нами, говоря:

— Ты первый человек из тех, кого я знаю, кто не пытается каждую минуту заглянуть в телефон.

— Я у тебя, кажется, много в чем первый, — отзывается Багхантер.

Он произносит это, тоже бросив беглый взгляд наверх.

Там большой столик, и за ним шумно.

От озвученного замечания мои губы порываются улыбнуться, но свежесть в голове спасает от этого желания. Меня нужно спасать, ведь это желание — бесконечное.

Когда мы списались, я сказала ему, что он первый человек из тех, кого я знаю, кто ставит точки в сообщениях.

В ответ он прислал эмодзи «босс».

— Мне это нравится... — сообщаю я, отвечая на его замечание.

Мои слова звучат как вызов. И прямолинейно. Прямолинейно — в полном соответствии с его собственной манерой общения.

Я не собираюсь ее перенимать. Для меня эта манера неподходящая по всем параметрам, ведь я не люблю сталкиваться с людьми лбами. А это заявление я сделала, потому что хочу услышать ответный «комплимент».

По крайней мере, какую-то реакцию, ведь его взгляда, который плавает по моему лицу, мне уже недостаточно...

В противовес всем моим ожиданиям парень говорит:

— Я пытаюсь отдыхать от экрана. От любого. Он выключен, — поднимает Багхантер телефон, показывая мне черный спящий экран.

— И как давно он выключен?

— Час пятнадцать.

— Звучит так, будто ты считаешь минуты.

— Да. Меня слегка ломает, — подтверждает он.

— И давно ты в этом эксперименте?

— Пару дней.

Я опускаю взгляд на его руку, которой он накрыл свой гаджет.

— Я могу тебе помочь... — говорю я, посмотрев в его лицо.

— С чем?

— От ломки.

Несмотря на тахикардию, я встаю из-за стола на твердых ногах.

И даже двигаюсь так, что внимание парня сначала концентрируется где-то в районе моих бедер, которыми я покачиваю, а уже потом поднимается к лицу.

Я совершала в жизни смелые поступки, действительно совершала, но сейчас я иду ва-банк, а это чревато либо победой, либо провалом. Но конкретно сегодня мне не приходит в голову оставить неизгладимое впечатление другим способом.

Я скрываю тот факт, что от волнения у меня голова кружится, когда сажусь Багхантеру на колени. Ладонями я впираюсь в спинку дивана у него за спиной, и я рада, что его мимика спит.

Спала все время, пока я приближаюсь и пока он наблюдает за моим лицом. За тем, как я склоняюсь к его губам, прикрыв глаза...

Глава 5

Все так, как должно быть, — я чувствую все что угодно, только не этот поцелуй: каменные бедра под собой; вкусный запах мужской туалетной воды; соприкосновение моей груди с мужской грудью напротив, еле заметное через слои одежды — мой пиджак и его футболку; но лифчик больно царапнул соски, потому что они стали каменными...

Я чувствую его губы, чувствую, что он задержал дыхание, как и я. И чувствую взрыв дискомфорта от того, что я нахожусь на коленях у парня, с которым еще толком не делила личное пространство.

Его ладонь на моем бедре — скорее рефлекс, чем осознанное движение.

Она неподвижная и легкая, потому что у Багхантера явно нет привычки лапать всех девушек подряд.

Это оставляет в моей подкорке след. Я и не думала, что он озабоченный придурок, но узнать наверняка — это важная жирная галочка.

Багхантер контролирует свою руку, и это последняя мысль, которая залетает в мое сознание, прежде чем я за считанные секунды преодолеваю весь этот набор ощущений.

Мне помогает то, что я на земле обеими ногами! Слишком трезвая от собственной дерзости и из опасений быть неловкой. Но все внимание в конечном итоге стягивают на себя

ощущения от контакта, который происходит между нашими губами.

Ощущения его губ, которые хоть и неподвижны, но ослаблены.

Твердые и мягкие одновременно.

Незнакомые, но это не уменьшает ощущений — микро-разрядов тока. Они кусают мои губы, когда я начинаю целовать Багхантера.

Он не убегает, не тормозит! Просто размыкает губы, которых я касаюсь языком едва-едва...

Бедра подо мной напрягаются сильнее. Это напряжение вспыхивает и гаснет, через секунду все возвращается к исходному, но я чувствую это, как чувствую и каждую-каждую мышцу под собой.

Я слегка оттягиваю мужские губы.

Это все, что я себе позволяю, — осторожные касания языком и детский поцелуй, который ударяет в голову, когда язык Багхантера кончиком касается моего.

Мне хочется зашипеть от ощущений. Отдернуть голову, но я ее отстраняю.

Его глаза снова наблюдают, пусть он и открыл их одновременно со мной — секунду назад.

На его карей радужке — желтые вкрапления.

Не знаю, способен ли он разглядеть застилающий мне видимость туман, сейчас я понять это не в состоянии.

За тридцать секунд я узнала о нем больше, чем за час об-

щения.

Он не озабоченный. Не недотрога! Хотя с ним такое не каждый день бывает, ведь у него нет какой-то заготовленной реакции.

Он как пружина... Живой, заряженный.

Он умеет целоваться.

Точно не нежно, но умеет. Насколько твердо — я могу лишь догадываться, как и о том, насколько ощущения от настоящего поцелуя с ним будут другими.

Чтобы не опустить взгляд на его губы, мне приходится постараться. Двигаться легко у меня тоже получается ценой усилий.

Когда я возвращаюсь на свое место, над столом все еще тишина.

Багхантер наблюдает за мной, и хоть в его взгляде застыло удивление, вопроса «что это было?» я на его лице не вижу.

Слава богу.

Зато вижу, что все его внимание теперь принадлежит мне. Все, до капли. И возникшую из-за этого в его взгляде глубину.

Я была бы трупом, если бы не загорелась в ответ на все это.

К щекам приливает кровь.

— Если проблема все еще осталась, — говорю я, встречая направленный на меня взгляд, — я могу положить твой телефон к себе в сумку.

— Проблемы больше нет, — хрипловато отзывается Багхантер.

У меня в голове смешанные процессы.

Первое и самое важное — с меня хватит инициативы.

И я хочу поджать на ногах пальцы от того, что парень напротив, кажется, готов взять ее на себя.

Он смотрит так, словно из головы у него вылетело множество вопросов, а не только тот, который был на повестке.

Обстановка этого «концептуального холодильника» больше не кажется мне неподходящей. На нее вообще плевать.

— А знаешь, — говорю я, хватая со стола свой телефон. — Мне понравилась идея...

Я, не читая, смахиваю с экрана сообщение.

Оно из соцсети, от очень хорошо знакомого адресата.

Я смахиваю его, боясь обжечься о слова, если выхвачу из текста хоть одно.

Я и свою проблему решила тоже! С тех пор... как наставила лайков сидящему напротив парню, я не вспоминаю о другом. О том, который стал моей болезнью длиной вот уже в семь лет! Наконец-то мое сердце захлебывается так, что я временами забываю, как дышать...

Я быстро выключаю телефон, показывая Багхантеру черный экран.

— Не стоит, — отвечает он все так же хрипловато.

Багхантер разворачивает ко мне картонную табличку, которую успел покрутить в руках с тех пор, как мы сели за стол.

— Это, кажется, твоя тема, — говорит он, кивнув на подставку.

Я вижу скидки и акции на сегодня, и самая популярная обозначена крупными повторяющимися цифрами двадцать. Двадцать и двадцать процентов.

Да, это моя тема.

Взметнув на парня взгляд, я кусаю губу.

Я не подозревала его в проблемах с памятью, но все равно испытываю прилив в животе от его наблюдательности.

— Я возьму ее с собой... — говорю я, отправляя картонку в сумку.

— Это меню... — кивает Багхантер на второй буклет. — Им можно пользоваться. Можно... заказ сделать... — объясняет он с легкой иронией.

Я действительно забыла о том, что мы вроде как в кафе, а здесь принято делать заказы.

— Я не знаю, чего хочу, — смотрю я на парня.

Он действительно теперь здесь. Мой... до капли. Его внимание. Глубина взгляда, засевшая в нем искра...

Я добила, чего хотела.

— И что в этом случае нужно делать? — спрашивает Багхантер.

— Обычно в этом случае я заказываю чай.

— Я обычно никогда его не заказываю, — чуть расслабленно говорит он. — Мне нужны подсказки.

— Цвет — зеленый, — обозначаю я.

— Такой бывает? — насмешливо интересуется парень.

Я веду плечом, произнося:

— Вот ты и прокачался...

Я вижу его улыбку. Легкий на нее намек. И взгляд исподлобья...

Его локти снова лежат на столе. Он подался вперед, слегка загородив мне широкими плечами обзор. Но я и не пытаюсь смотреть куда-то, кроме как в его лицо, и, сколько бы мыслей я ни вышибла из его головы своей дерзостью минуту назад, я все еще не в состоянии предугадать ни единого его действия.

Ведь он другой.

Так непохожий на мою «семилетнюю болезнь»! И возможно, я выбрала его именно поэтому. Корыстно, целенаправленно. Как товар в магазине. Собираясь с его помощью свою болезнь окончательно вылечить, и пока это... получается отлично...

Я бы должна чувствовать себя сукой, и я... почти чувствую...

Глава 6

Наши напитки приносят одновременно.

Мой чай и айс-кофе для него.

Синхронность проявляется еще и в том, что ни я, ни Багхантер к напиткам не притрагиваемся.

Я уверена, мой собеседник не может чувствовать себя так же, как я, — гореть от эмоций до корней волос, но он тоже к своему стакану равнодушен.

Мы смотрим друг на друга, как будто зацепились крючками. К черту чай.

У меня на языке крутится множество вопросов, которые принято задавать или которые задавать логично, когда видишь человека второй раз в жизни, но они не кажутся мне скучными, когда дело касается этого парня.

И я решаю для себя, что совершенно плевать, в каком порядке их задавать, ведь это больше не «собеседование». Это контакт, который поглотил все внимание.

— Ты часто здесь бываешь? — спрашиваю я, отвечая на скользящий по моему лицу взгляд.

— Регулярно. Здесь хороший интернет, можно поработать.

— А чем ты занимаешься, когда НЕ работаешь?

— Хочешь узнать, какое у меня хобби? — спрашивает он, словно высмеивая это слово.

Я реагирую вызовом, потому что еще не научилась различать оттенки его эмоций. Насмешка это или обычное веселье, я слишком взбуждена, чтобы различить.

— Да, хочу, — говорю я. — Вообще-то, когда девушка спрашивает у парня про хобби, она хочет узнать, не гоняет ли он все выходные напролет порно, как озабоченный придурок. Потому что если да, то мне в другую сторону.

Мой ответ его забавляет, и этот процесс отражается на его лице живой мимикой. В том числе еще одной короткой улыбкой, за которой я наблюдаю с тонкой змейкой мурашек под кожей.

— Я смотрю порно, — сообщает Багхантер. — И дрочу. Иногда. Но это не мое хобби.

Эта грубая интимность вызывает волнение в моем воображении. И я узнаю о себе что-то новое: я, кажется, фанатка грубой интимности. Это любовь с первого взгляда, ведь до него я с ней была не знакома.

Я просто в восторге от собственной испорченности!

— Теперь осталось подтвердить, что у тебя нет порноколлекции, — говорю я.

Пауза — и ответ в тон глупости моего вопроса:

— Я никогда ничего не коллекционировал.

Я больше не могу сдерживать веселье.

Запрокинув голову, я смеюсь. С волшебным трепетом в разных местах, когда вижу наблюдающий за мной взгляд.

Багхантер разделяет мое веселье, но остается зрителем. Я

уже поняла, что проявление эмоций — не его хобби, но от этого он не перестает быть источником энергии.

Мне нравится...

— Так... хобби у тебя все-таки есть? — интересуюсь я, «вернувшись».

Багхантер не торопится с ответом, но не потому, что копается в памяти, просто такова скорость его общения. Это... я успела уяснить.

— Я могу собрать какую-нибудь мелочевку, — говорит он. — Компьютер или велосипед. Это помогает разгрузить голову.

— Все-таки ты можешь помочь выбрать компьютер, — режюмирую я.

Словно нехотя, но с ухмылкой, он говорит:

— Да.

Я стряхиваю с рукава невидимую пушинку.

— Что еще тебе помогает? — спрашиваю его.

Я с удовольствием встречаю легкий прищур, потому что этот вопрос отбрасывает к причине, по которой мои губы до сих пор горят.

Одна минута, и я узнала, помимо всего прочего, чем еще отлично можно разгрузить его голову. Сугубо личная информация, которой мы обмениваемся молча.

Я чувствую щекотку под ребрами и получаю ответ на свой вопрос, когда Багхантер сообщает:

— Физическая активность.

Мой взгляд бессознательно скатывается вниз, к широким плечам под клетчатой рубашкой, оживляя... делая дико настоящим желание физического контакта, но этот парень все еще слишком большой незнакомец, чтобы я думала об этом всерьез...

Взгляд подпрыгивает вверх, когда я слышу приглушенный шумом сверху вопрос:

— Что насчет тебя?

Багхантер смотрит на меня, водя пальцем по крышке своего телефона.

— Чем увлекаешься? — конкретизирует он.

— У меня нет хобби, — говорю я. — Я сейчас с трудом нахожу время на маникюр. Много работы.

— Какие планы на выходные? — интересуется он.

— М-м-м... — смотрю я в сторону. — Никаких... — пожимаю плечом. — А у тебя?

— Лечу в Новосибирск, — говорит он. — Нужно встретиться с одним человеком.

Я чувствую падение. Не такое, словно расшиблась в лепешку об асфальт, но явно осязаемое, ведь все, что я услышала, — его не будет завтра в городе.

Внезапно это мои выходные омрачает. Неожиданно! Ведь я даже не успела сочинить какие-то возможные совместные планы, но я смотрю в лицо Багхантера и чувствую очередную змейку под кожей. Только на этот раз она шевелит что-то очень горячее у меня в крови.

Бешеное желание увидеть этого парня снова.

Глава 7

Глава 7

Аделина

Я выхожу из лифта, уступив место внутри соседке со знакомым лицом, но мне так и не довелось узнать ее имя. Мы лишь молча киваем друг другу, я еще и выжимаю улыбку.

Я не собиралась сегодня встречаться с родителями, но мама попросила подъехать к обеду — даже тогда никаких предчувствий у меня не возникло. До последнего, пока звоню в дверь, и, когда мама ее открывает, их нет.

Они появляются, только когда вижу чужую пару обуви рядом с кроссовками Макса. Мой брат брендовые шмотки не носит. И отец тоже.

— Привет, заходи, — мать закрывает за мной дверь. — У нас гости.

Этих слов достаточно, чтобы с моего лица сошли любые эмоции, а внимание украли звуки из кухни.

Я взглядом упираюсь в дверной проем, по телу расплывается не напряжение, нет. Я просто включаюсь. Внимание, которое не проснулось вместе со мной, сейчас обостряется. Включается на раз-два.

Поворачивая голову вслед за матерью, я сверлю взглядом

ее затылок, пока она обходит меня и направляется в кухню. Я остаюсь на месте, принимая тот факт, что, несмотря на ясность ума, все еще что-то... чувствую. Но если у меня и есть эмоции, то они все отрицательные.

Я отлипаю от пола, проходя дальше в квартиру. И приветствую всех собравшихся за столом, объявив негромкое:

— Привет...

Приветствие не прекращает беседу, но на мне концентрируется как минимум один взгляд, который я встречаю через комнату. Концентрируется с особой пристальностью, чтобы я его почувствовала. Целенаправленной пристальностью, чтобы я знала: этот взгляд — только для меня.

— Кирилл в Москве проездом, — сообщает мама, выставив для меня тарелку. — По делам приехал.

Я разрываю навязанный мне зрительный контакт, резко повернув голову.

— Садись... — мама указывает на свободный стул.

Прежде чем это сделать, я обхожу стол и целую щеку отца, говоря:

— Привет.

В последнее время у меня не получалось застать его дома. Это какой-то сюр, но в последний месяц нам каждый раз удавалось разминуться.

Взгляд, который меня преследует, по-прежнему осязаемый, от этого я только упрямее его игнорирую.

— Как погода? — спрашивает папа.

— Дождь...

Брат на мое появление никак не реагирует, продолжая водить пальцем по экрану телефона, с которым, как правило, не расстается. Это не очень приятно, когда дело касается общих обедов, ужинов и любых других семейных мероприятий, но Макс с детства очень многое позволялось. Он делает, что хочет и как хочет, но, по крайней мере, никогда не перегибает палку.

Сказать, что мой брат избалованный, будет слишком скромным. Он избалованный эгоист. После переходного возраста брат стал слегка высокомерным ко всему, что считает менее гениальным, чем он сам. Ему действительно есть чем гордиться, но общаться с ним можно, только если смириться...

Мой брат худой, до сих пор немного нескладный, потому что не слишком увлекается спортом, но он вполне симпатичный, так что ему не составит труда найти девушку, когда разбогатеет. Это когда-нибудь произойдет, просто неизбежно — рост его доходов. А желающие закрутить с ним найдутся сами. У него наверняка даже будет огромный выбор.

Мои мысли жутко циничные, но у меня и настроение соответствующее.

— Привет... — слышу я рядом, когда сажусь на стул.

Это слово тоже звучит исключительно для меня одной. Низко, тихо. Слишком близко, потому что мне предложили место рядом с гостем моей семьи.

Я поворачиваю голову, встречая его взгляд.

У него голубые глаза, русые волосы, он красивый, особенно с новой стрижкой. Она делает его взрослее и подчеркивает почти идеальные черты, в которых нет ни одной грубой, что при этом не делает его приторно красивым.

— Привет, — говорю я.

— Как дела? — снова произносит он «между нами».

— Все отлично, — я отворачиваюсь, привлеченная словами отца.

— ...пытаюсь открыть летний сезон, — объясняет он гостю. — Но погода все никак не устаканится.

— Я бы побегал с вами с удовольствием, — отзывается тот. — Так, как вы, Владимир Палыч, меня никто не гонял...

— У меня уже возраст не тот. Я же не молодею, скоро шестой десяток разменяю. Уже тяжело тягаться с молодежью.

— Да ла-а-дно, — тянет Кир. — Вы красавчик.

— Ты слышал, Вова? — «радуется» мама. — Ты красавчик. Повезло мне...

— Попить что-нибудь есть? — прерывает ее Макс.

— Да. Сейчас сок достану, — ерошит она его волосы.

Мой отец действительно в отличной форме. Он тренер по большому теннису, работает с детьми. Среди его клиентов есть и дети известных людей, а один из его учеников даже выступал на Уимблдоне, правда, отец занимался с ним всего год, а потом мальчика заметили, но мы с удовольствием эту информацию опускаем.

— Кирилла на ТВ пригласили, — сообщает мама. — Дать интервью. Потом пришли Максусу ссылку. Мы хотим посмотреть, — обращается она к моему бывшему.

Кирилл Голиков на это отвечает:

— Конечно.

Мы начали встречаться еще в школе. Мы ровесники. Родители доверяли ему безоговорочно, и не зря. Мы даже не помышляли о сексе, по крайней мере, до выпускных классов, но я уехала, так что не знаю, куда бы все эти будоражащие эксперименты нас завели.

Все случилось гораздо позже. После того, как мы встретились в Питере три года спустя, туда он поехал учиться после школы. Мы встретились спустя три года и бесконечные попытки наладить нормальные... дружеские отношения. Ничего не вышло. Эта попытка вылилась в секс в тот же день, как мы встретились после трехлетнего расставания. И все началось сначала...

Я покидаю стол, сообщив, что мне нужно помыть руки.

Стоя перед зеркалом в ванной, я слышу за дверью шаги. Я прикладываю влажные ладони к шее, чтобы остудиться. Срываю с волос резинку, взбивая волосы у корней в попытке привести себя в порядок, ведь я... сегодня не планировала выглядеть сногшибательно. Я не планировала ничего дальше обеда.

Я поправляю майку под тонким свитером — возвращаю на место съехавшую бретельку. И намеренно долго не открываю.

ваю дверь! Без удовольствия, а... как и до этого — упрямо.

Боясь того, что от такого долгого стояния перед зеркалом открою какой-нибудь потусторонний портал, все же поворачиваю замок на двери и выхожу из ванной.

— Ты что, отправила меня в бан? — слышу я вопрос, который встречаю затылком, когда поворачиваюсь, чтобы выключить свет.

Глава 8

Глава 8

Наверное, мне стоило прочесть его вчерашнее сообщение хотя бы для того, чтобы быть готовой к этой встрече, но, когда я включила телефон, это просто из головы вылетело.

В жизни я оставалась без связи только в самолете, ну или в результате какого-то форс-мажора, но никогда по доброй воле и тем более напрочь об этом забыв, как вчера.

Мне понравился эксперимент. Даже сейчас у меня сосет под ложечкой!

— Нет, — отвечаю я. — Зачем мне отправлять тебя в бан?

Я собираюсь вернуться на кухню, потому что мне не нужно общаться с ним вот так — наедине, понижая голос, словно у нас какие-то секреты, или на грани соприкосновения нашего личного пространства.

— Кир! — я возмущаюсь, когда Голиков обхватывает пальцами мой локоть, заставляя остановиться.

Я смотрю на него зло, развернувшись.

Кирилл убирает руки, кладет их на пояс, но продолжает загораживать мне проход.

У него генетика аристократа. Он худощавый, но жилистый. Сильный. И ему никогда не грозит набрать лишний вес или отрастить живот. Мне всегда казалось, что его тело я

чувствую идеально. И вертикально, и горизонтально. Идеально.

Голиков одет в тенниску без единой складки, гладко выбрит и подстрижен. Интервью на ТВ? Я больше ничего узнавать не собираюсь. В последний раз я видела его вживую три месяца назад, с тех пор он не изменился, и в жизни у него, насколько я знаю, дела все лучше и лучше.

Он тоже изучает меня. Я чуть сильнее осветлила волосы, еще перешла на тональник с эффектом загара, на этом, пожалуй, все!

Я не хочу знать, о чем он думает, когда вот так на меня смотрит — равнодушно. Я тогда сама начинаю чувствовать. Как правило, злость, но это тоже эмоция, а я хочу избавиться от всех до единой, когда дело касается моего бывшего.

— Ты мои сообщения не читаешь, — говорит Кир. — Уже неделю. Я волновался, подумал, может, что-то случилось.

— Руки не дошли, — говорю я. — Была занята.

— Насыщенная неделя?

Со мной происходит секундная заминка, потому что внешне ответить просто «да» или «нет» у меня не выходит.

Меня засасывает глубже, в состояние «вне зоны доступа», которое появилось в моем арсенале, и это уже не про телефон. Это про то, что теперь я могу запросто выпасть из реальности.

— Да... — встряхиваюсь я. — Насыщенная.

Голиков присматривается к моему лицу через едва знакомый прищур, и, хоть на его губах всплывает легкая ухмылка, взгляд становится острее.

— Культурно просвещаешься? — спрашивает он. — Видел фотку. Что за выставка?

— С чокнутыми ценниками. Советую для общего развития.

— Понравилось?

— О-о-очень.

— Ого. Столько эмоций, — с неискренней усмешкой говорит Кир.

— Это весна так влияет.

— Так у тебя все хорошо?

— Я же сказала, все отлично.

В ответ он снова смотрит, но сегодня я нетерпелива. Если еще три месяца назад я могла изобразить дружелюбную улыбку, отвечать на его сообщения в соцсетях и даже вести пустые беседы при личной встрече, то сегодня просто нет.

Я не читала его сообщения, потому что забыла. По-моему, он понял, что это правда, ведь снова включил свой прищур.

— У меня доставка на два часа, — говорю я, слегка толкая его в сторону. — Я забыла, вылетело из головы. Передай родителям, что я уехала...

— Аделина...

Я тенью возвращаюсь к входной двери и, быстро запрыгнув в лоферы, ухожу из родительской квартиры. Точнее, убе-

гаю, предпочитая прогулку под мелким дождем тому, чтобы провести время в обстановке, которая стопроцентно будет меня душиТЬ.

Кирилл Голиков был учеником моего отца, его сильнейшим учеником, на протяжении почти десяти лет, но теннисная карьера закончилась после получения юношеского разряда. Это не было трагедией — он никогда всерьез не собирался становиться спортсменом, но у него были хорошие задатки, поэтому мой отец всегда в легкой ностальгии.

Сам его ученик к своим спортивным талантам всегда относился как к должному.

Я бы сказала, даже свысока.

Смотреть на многие вещи свысока для него вообще нормально, ведь своими родителями он избалован не меньше, чем мой брат.

Я забегаю в первую же кафешку по пути, вымокшая до нитки. Слегка скрипя зубами, потому что мне звонит мама. Я не беру трубку, вот же отстой, но мне просто не хочется оправдываться!

Я как взрослая приняла тот факт, что наше с Киrom расставание никак не повлияло на его отношения с моей семьей, но у меня есть эмоции, хоть я и борюсь с ними вот уже два года!

После той встречи, когда мы впервые переспали, я уехала из Питера в состоянии внутреннего сумасшествия. Снова влюбленная, счастливая, со всеми сопутствующими послед-

ствиями лишения девственности и желанием вернуться поскорее.

Я вернулась через неделю, прямо из поезда выпрыгнув в объятия Голикова.

Это было совершенно не так, как в школьные годы.

Тогда мы были детьми, оба. Я никогда в жизни не страдала так, как в тот день, когда Голиков сообщил, что будет учиться в Питере. Ни одно наше расставание не выжимало меня так, как то, первое...

Второе случилось через полгода после того, как он лишил меня девственности. Все то время мы встречались на расстоянии, в конечном итоге в пух и прах рассорились из-за... его фотографий в соцсетях. Он очень активно тусовался, вокруг него всегда была толпа телок.

Мы расстались на два месяца, в течение которых я страдала, пока не получила СМС «я скучаю...»

Этого было достаточно, чтобы я сорвалась в Питер мгновенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.